

УДК 811.161.1

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЕКСТА АПОСТОЛА
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ***М.О. Новак***Аннотация**

В статье на материале Национального корпуса русского языка исследуются особенности функционирования устойчивых выражений, генетически связанных с Апостолом, в разножанровых русских литературных текстах XIX – XXI вв. и обсуждаются пути их семантического преобразования в зависимости от жанра и содержания произведения. Установлено, что в публицистическом жанре изречения часто утрачивают семантические связи с источником, тогда как в художественном тексте они сохраняют эти связи, являясь средством стилизации (речевой характеристики) или языковой игры.

Ключевые слова: Апостол, современный русский литературный язык, функционирование, семантика, Национальный корпус русского языка.

Настоящая статья является частью исследования, посвящённого роли Деяний и Посланий апостолов в истории русского литературного языка. Наша цель – показать степень влияния текста Апостола на словоупотребление современного русского литературного языка, по преимуществу тех его стилей, которые не связаны с религиозной коммуникацией. Традиционное цитирование Апостола, неотъемлемое от жанра церковной проповеди, уже становилось предметом нашего рассмотрения [1]. Для полноты исторической картины нам представляется важным выяснение того, как функционируют устойчивые выражения из Деяний и Посланий в стилистически различных текстах XIX – начала XXI вв., как трансформируются их структура и семантика, насколько значительно в конечном счёте воздействие текста Апостола на современное литературное словоупотребление.

Применительно к современному русскому языку¹ приходится говорить о библейской фразеологии, в рамках которой устойчивое выражение некоторым образом «снимается» с исходного контекста, переосмысливается, приобретает новую семантику и/или экспрессивную функцию. Соответствующая проблематика достаточно активно разрабатывается в отечественной филологии (библиографию см., например, в [2]). В недавних исследованиях [2, 3] отмечается многообразие терминов, описывающих данный феномен («библейские изречения», «библейские выражения», «библейские крылатые слова», «библейские обороты», «библейские цитаты», «библейские фразеологизмы», «фразеологические библеизмы»

¹ Говоря о современном русском языке, мы разделяем широкое понимание данного термина и имеем в виду язык XIX – начала XXI вв., то есть «от Пушкина до наших дней».

и т. д.). А.В. Григорьев связывает это с различным пониманием границ фразеологии и, со своей стороны, предлагает уделять внимание не только фразеологизмам-идиомам, но и другим речениям, условно называя их «библейскими выражениями» [4, с. 32]. Такая точка зрения представляется вполне оправданной. По аналогии ниже мы будем использовать термин «апостольские выражения» (далее АВ).

Существует также узкое и широкое понимание общего термина «библеизм». Первое предлагает считать библеизмами «языковые единицы предикативного и непредикативного характера, употребление которых связано с образным, метафорическим переосмыслением имён персонажей, реалий и сюжетов Библии». Второе, более состоятельное (на наш взгляд), ориентируется на происхождение языковых единиц и определяет библеизмы как «слова, устойчивые словосочетания и афоризмы, возникшие на основе Библии или библейского сюжета» [2, с. 16–17].

Кроме того, в исследованиях по библейской фразеологии различаются, согласно классификации, предложенной В.Г. Гаком [5–7], цитатные и ситуативные фразеологизмы (источниками последних обычно является не прямая цитата, а тот или иной сюжет священной истории). Этот момент мы также будем учитывать в дальнейшем изложении.

Нами было рассмотрено более 60 предикативных и непредикативных АВ, генетически связанных с текстом Апостола и функционирующих в контекстах, представленных в основной части Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ). Их можно разделить на выражения, употребление которых ограничено религиозной литературой (в светской публицистике они выступают только как цитаты), и выражения, разорвавшие свои связи с источником и «ушедшие» в самые разные с точки зрения стиля и содержания контексты.

К первой, сравнительно малочисленной, группе принадлежат такие выражения, как *ум Христов* (< 1 Кор. 2:16), *безмолвное житие* (< 1 Тим. 2:2), *венец правды* (< 2 Тим. 4:8), *лжеименный разум* (< 1 Тим. 6:20), *плотское мудрование* (< Рим. 8:6–7), *оружия Божия* (< Еф. 6:11, 13), *скорбь и теснота* (< Рим. 2:9), *многими скорбями* (< Деян. 14:22), *меч слова Божия* (< Еф. 6:17, Евр. 4:12), *наша брань* (< Еф. 6:12), *сокровенный сердца человек* (< 1 Пет. 3:4), *щит веры* (< Еф. 6:16). Они употребляются не только в церковных проповедях, но и в религиозно-философской публицистике. В центре нашего внимания, однако, согласно поставленным выше задачам, будут находиться единицы, принадлежащие второй группе.

Эта группа более многочисленна, и, что важно, каждое входящее в неё выражение имеет (по статистике основного корпуса НКРЯ) гораздо большее количество употреблений, нежели выражения первой группы. При этом они по-разному соотносятся с источником, у них наблюдается различная степень идиоматизации, а также актуализации в диахронии. Словосочетания *бездна премудрости* (< Рим. 11:33), *всякое даяние благо* (< Иак. 1:17), *ветхий человек* (< Рим. 6:6, Еф. 4:22, Кол. 3:9), *вера без дел мертва (есть)* (< Иак. 2:20, 26), *взыскующие града* (< Евр. 13:14), *власти предержащие* (< Рим. 13:1), *мгновение ока* (< 1 Кор. 15:52), *краеугольный камень* (< 1 Пет. 2:6), *медь звенящая, кимвал бряцающий* (< 1 Кор. 13:1), *мёртвая буква* (< 2 Кор. 3:6–7), *неведомому*

Богу (< Деян. 17:23), *нет (несть) ни эллина, ни иудея* (< Кол. 3:11), *скудельный сосуд* (< 2 Кор. 4:7), *смертный грех* (< 1 Иоан. 5:16–17), *(яко) тать в ноци* (< 2 Пет. 3:10, 1 Фесс. 5:2) и другие равным образом фиксируются в лексико-графических материалах как фразеологические единицы (см., например, [8]). Вместе с тем они существенно отличаются друг от друга по ряду критериев. Именно эти различия будут рассмотрены далее.

Ситуативные АВ

Не все АВ принадлежат к числу чисто «цитатных» (по В.Г. Гаку). Это касается в первую очередь выражения *мёртвая буква*: оно отсутствует как таковое в тексте Апостола, но соотносится с содержанием 2 Кор. 3:6–7: «...Буква убивает, а дух животворит. Если же служение смертоносным буквам, начертанное на камнях, было так славно...» (Синод.). Это ситуативное АВ имеет широкое распространение (92 вхождения в НКРЯ) в публицистике, посвящённой вопросам философии, науки, экономики и политики, в литературной критике, в узко научной, учебной и художественной литературе.

В трансформированном виде в русском узусе присутствуют также выражения *кто не работает (не трудящийся)*, *(да/пусть) не ест* (< 2 Фесс. 3:10 «яко аще кто не хочет делати ниже да ясть» (ЦНЗ), «если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (Синод.)), *смертный грех* (< 1 Иоан. 5:16–17 «грех к смерти» (ЦНЗ, Синод.)) и *взыскующие града* (< Евр. 13:14 «не имамы бо zde пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ» (ЦНЗ)). Их, однако, нельзя назвать ситуативными единицами в полном смысле слова, поскольку в источнике налицо соответствующие лексические основы, грамматически преобразуемые затем в различных контекстах. *Смертный грех* (426 вхождений в НКРЯ) продолжает вполне активно употребляться в религиозно-нравоучительных контекстах либо в исторических исследованиях, однако устойчивое выражение с плюральной формой *обвинять во всех смертных грехах* характерно уже для светского узуса, как публицистического, так и художественного. Ср.:

- *Осуждаем? Осуждаем. Все это – смертные грехи, и за каждый из них мы смерти заслуживаем* (НКРЯ, Ахмедова М., Мамонов П. Петеньке стыдно (2011));

- *Рисуя впечатляющую картину загробных наказаний, автор «Элucidария» не придерживается традиционного учения о семи смертных грехах* (НКРЯ, Гуревич А.Я. Популярное богословие и народная религиозность средних веков (1976));

- *Мы с Ритой ещё вертелись и прятались за слова, обвиняя друг друга во всех смертных грехах и не замечая за собой главного* (НКРЯ, Трифонов Ю. Предварительные итоги (1970));

- *А между тем, обвиняя Хрущёва во всех смертных грехах, его окружение даже не поставило вопрос о своём личном «вкладе» в то, почему за десять лет Хрущёв превратился в «волюнтариста»* (НКРЯ, Попов Г., Аджубей Н. Пять выборов Никиты Хрущева (2008)).

Кроме того, данное выражение может участвовать в образной речи, что свидетельствует о полной его идиоматизации: *Только вот в родах я этого врача*

в глаза не видала, а общалась со мной родовая бригада, страшная, как **смертный грех** (НКРЯ, Арефьева Т. Схватки с папой (2008)).

Что касается выражения *взыскующие града* (именно в таком виде оно представлено в лексикографии, см., например, [7–8]), его глагольный компонент может выступать в различных формах, ср.:

- *Революция есть этап по пути к вечности. <...> Вперёд, **взыскующие града!** И. Ясинский (Максим Белинский) (НКРЯ, Ответы на анкету «Искусство и революция», распространённую К. Чуковским в «Свободе и жизни» (1906));*

- *Ещё большее любопытство возбуждали во мне два рода лиц: во-первых, странники... а меж них и сектанты, «**взыскующие града и веры истинной**» (НКРЯ, Чернов В.М. Перед бурей. Воспоминания (1953));*

- *Всё, друзья мои, благородно, прекрасно, любите красоту, **взыскуйте града**, а только вот – с любовью к ближнему как? (НКРЯ, Трифонов Ю. Предварительные итоги (1970));*

- *Странствуем – града настоящего не имея, грядущего взыская. – А как имя ваше ангельское? – Варсонофий грешный (НКРЯ, Мельников-Печерский П.И. В лесах. Кн. 2 (1871–1874)).*

Помимо грамматических вариаций в словосочетании обращают на себя внимание и функциональные различия. У П.И. Мельникова-Печерского модифицированное изречение из Апостола служит средством речевой характеристики одного из персонажей; в воспоминаниях эсера В.М. Чернова выражение *взыскующие града* используется как своего рода *terminus technicus* для наименования православных паломников либо членов секты бегунов [9, с. 85]; в публицистике времён первой русской революции оно присутствует как (само)название ожидающих перемен в обществе; в прозе Ю. Трифопова *взыскуйте града* иронически адресуется советским псевдоинтеллигентам с их невнятными искажениями. Подобные различия обнаруживаются и в отношении других АВ, как станет ясно далее.

Выражения *кто не работает, то не ест, не трудящийся да не ест*, восходящие к 2 Фесс. 3:10, также не повторяют дословно структуру апостольского речения (см. выше). С первых лет большевистской власти они стали одним из популярнейших её лозунгов, ср. в публицистической, художественной и учебной литературе разных лет:

- *А матрос взволнованно говорил: – Теперь у нас разговор короткий: труд! И больше ничего! **Не трудящийся да не ест!** (НКРЯ, Вересаев В.В. В тупике (1920–1923));*

- *А «**нетрудящийся да не ест!**» И апостола за бока, на потребу если... Он смотрит совсем спокойно: жизнь уже за порогом (НКРЯ, Шмелев И.С. Солнце мёртвых (1923));*

- *Наше государство – это государство трудящихся. В нашей Конституции написано: «**Кто не работает, тот не ест**». И воспитатели должны научить детей творчески трудиться (НКРЯ, История педагогики (1981));*

- *МОРАЛЬНЫЙ КОДЕКС СТРОИТЕЛЯ КОММУНИЗМА: преданность делу коммунизма... добросовестный труд на благо общества, **кто не работает, тот не ест** (НКРЯ, Бондарев В. Над пропастью во лжи (2003)).*

Со временем стало возможно вхождение данного выражения в состав нового иронического афоризма, ср. сообщение на одном из интернет-форумов: *Теперь деньги испортили весь спорт (моё мнение). Кто не работает, тот не ест то, что ест тот, кто работает* (НКРЯ, Хоккей-1 (форум) (2005)).

На общем фоне обращает на себя внимание следующий способ передачи данного речения: *В монастыре Шенуте* (коптского подвижника V в. – М.Н.) *на первом месте стоял суровый ручной труд, в соответствии с новозаветной максимой: «Кто не хочет работать, пусть не ест»* (НКРЯ, Аверинцев С.С. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от Античности к Средневековью (1976)). Можно предположить, что автор стремится к более точной передаче новозаветного текста (ср. присутствие формы глагола *хотеть* как в греческом первоисточнике (*ou thelei*), так и в славянской (*не хочетъ*) и русской (*не хочет*) версиях), желая при этом дистанцироваться от формулировки советского лозунга.

Семантические трансформации АВ

Ниже мы рассмотрим широко используемые в разных жанрах и в разные периоды АВ, которые так или иначе демонстрируют изменение своего первоначального значения, обусловленного контекстом источника.

Мёртвая буква (< 2 Кор. 3:6–7):

- *А в 2001 году парижская «Монд» в большой статье, посвящённой коррупции, констатировала, что все предложения поставить такие банки под контроль остались «мёртвой буквой»* (НКРЯ, Вербин А. Не подмажешь, не поедешь (2003));
- *Но библиотека без библиотекаря есть хранилище мёртвой буквы, это корабль без команды, это золото, сокрытое в земле* (НКРЯ, Лаптев А. Лощманы книжных морей (2003));
- *Так не верней ли... отказаться от мёртвой буквы ради живого народа, целиком зависящего от вашей власти, от ваших решений?* (НКРЯ, Солженицын А.И. Письмо вождям Советского Союза (1974));
- *И когда разгорелась война, её реальные ужасы... несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мёртвой буквы* (НКРЯ, Пастернак Б.Л. Доктор Живаго (1945–1955));
- *Но меньше чем кто-либо из его современников... Аввакум, призывавший идти на смерть «за единый аз», был человеком только мёртвой буквы, отвлечённым схоластом, отстаивавшим букву ради неё самой* (НКРЯ, Гудзий Н.К. История древней русской литературы (XVI – XVII вв.) (1938));
- *Этот принцип не остался у Фальре мёртвой буквой. Он дал живой пример того, что он понимал под различными фазами, в какие вступает болезнь* (НКРЯ, Каннабих Ю.В. История психиатрии (1928)).

Из приведённых контекстов ясно, что данное выражение значительно расширило своё значение: ап. Павел *смертоносными буквами* именуется ветхозаветный закон Моисеев, тогда как сегодня *мёртвой буквой* называется форма без содержания (ср. словарную дефиницию: «Формальная, внешняя сторона какого-либо дела, противоречащая его духу, сущности» [8, с. 365]). По большому счёту о «расширении» исходного значения можно говорить лишь условно-метафори-

чески, поскольку в таких случаях (как и в случаях «сужения» значения) мы наблюдаем, скорее, определённый этап семантической деривации.

Тайна сия велика есть (< Еф. 5:32):

- Она была ловцом талантов. Что заставило её обратить внимание на меня – совершенно лишённую музыкальных талантов? **Тайна сия велика есть** (НКРЯ, Соломатина Т. Мой одесский язык (2011));

- Кого из едва различающихся претендентов берут, кому и почему отказывают – **тайна сия велика есть**. Отказы не комментируются, апелляции не принимаются (НКРЯ, Шварцбург А. Неизвестный Гарвард (2008));

- Какие именно [технические новшества] – многозначительно умалчивалось: **тайна сия велика есть!** Впрочем, по косвенным признакам можно было сделать вывод, что, помимо своего «чудо-мотора», французы особенно уповают на новую электронику (НКРЯ, Мурадов Б. Парижские тайны (2002));

- Самгин спросил: – Хотел бы я знать: во что ты веришь? – **Тайна сия велика есть!** – откликнулся Лютов, чокаясь с Алиной коньяком (НКРЯ, Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Ч. 2 (1928));

- – Ну, уж насчёт женского пола, – отозвался стоявший в кучке толстый купчина, – я вам доложу: **тайна сия велика есть**. Вот хоть бы примером заявить – моя супружница (НКРЯ, Карнович Е.П. Любовь и корона (1879)).

Как видно, в контексте любого жанра и содержания, будь это беллетристика разных лет, мемуары, репортаж о работе парижского автосалона или приёмной комиссии американского университета, интересующее нас выражение употребляется в одном и том же значении 'нечто таинственное, загадочное, необъяснимое', теряя своё первоначальное сакральное звучание². Лишь церковная публицистика сохраняет и поясняет его, причём, что существенно, в составе более полной цитаты: *Здесь не говорится о брачном союзе в его высшем, духовном смысле, который не связан ни с плотским грехом, ни с деторождением, а есть первообраз совершеннейшего соединения существ – «тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и во Церковь»* (НКРЯ, Соловьев В.С. Оправдание добра (1894–1899)).

Бездна премудрости (< Рим. 11:33):

- В списках принятых меня не было, но я был в списках кандидатов. Это значило, что если в течение первого семестра кто-либо из рабфаковцев не выдержит **бездны премудрости**, то меня зачислят на его место (НКРЯ, Дьяконов И.М. Книга воспоминаний (1995));

- Где они теперь, эти деловые мужчины? Ушли, убоявшись **бездны премудрости**, в более высокооплачиваемые организации (НКРЯ, Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни (1994));

- Я послал заказ на двух роботов-интеллектуалов, начинённых **бездной премудрости** (НКРЯ, Жемайтис С. Большая лагуна (1977));

- Тут была такая **бездна премудрости**, до того излагалось всё обще, что только вначале мне удавалось ещё кое-как следить за всеми общими свойствами всяких термических функций (НКРЯ, Колли А.Р. Письма (1902));

² Ср. Еф. 5:32: «Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во Церковь» (ЦНЗ).

• *Я знал двух-трёх, с которыми можно было говорить о чём угодно, кроме математики, философии и тому подобных бездн премудрости, и говорить очень приятно* (НКРЯ, Амфитеатров А.В. Птички певчие (1896–1898)).

Данное АВ также переживает своего рода секуляризацию³, выражая значение ‘о чём-либо содержащем обширные и ценные сведения’ [7, с. 37], и нередко приобретает ироническое звучание. Последнее обстоятельство делает возможным появление плюральной формы *бездн премудрости*, наблюдаемой в очерке А.В. Амфитеатрова.

Заметному переосмыслению подвергаются АВ с опорным компонентом *человек*, обнаруживающие незаурядную активность. Последнее обстоятельство обусловлено, очевидно, значимостью концепта *человек* для русского менталитета вообще и глубоким интересом русской философии и науки к теме человека в частности (об этом см. [9, с. 217–220; 10, с. 20]).

Ветхий человек (< Рим. 6:6, Еф. 4:22, Кол. 3:9):

• *В чём бесконечная уместность, естественность старости Александра? Он ветхий человек, наследник почтенной традиции* (НКРЯ, Пищикова Е. Пятиэтажная Россия (2007));

• *Старики вышли, следом за ними шагнул в сенцы и Нагульников. Он плотно притворил дверь в комнату Давыдова, шепотом сказал: – Вы, ветхие люди! Я про вас знаю: вы всё норовите по-своему жить* (НКРЯ, Шолохов М.А. Поднятая целина. Кн. 1 (1958));

• *От многого придётся отказаться, ко многому приучиться. Совлечь с себя ветхого человека, начать возрождение России с себя самих* (НКРЯ, Федотов Г.П. Лицо России (1919));

• *Расспрашивая об нём старосту Андрея Иваныча, я узнал, что Артемий положительно стряхнул с себя ветхого человека и весь предался продаже и купле* (НКРЯ, Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонское «дело» (1883));

• *Сбросим же с себя ветхого человека, выйдем из нашего нравственного гроба и осуществим наш идеал правды. Общественная реформа в России – это революция* (НКРЯ, Народная воля. Социально-революционное обозрение (1880));

• *Каждую субботу после обеда надевал он синий сюртук, круглую шляпу, брал трость с золотым набалдашником и клал сто рублей в карман. Вооружённый таким образом, посещал он самые неблагопристойные дома. <...> В восемь часов его будили, окачивали холодной водой, одевали, причёсывали, и, полусонный, он ездил во дворец с докладом, но перед входом в кабинет государыни стряхивал с себя ветхого человека и становился умным, серьёзным, дельным министром* (НКРЯ, Греч Н.И. Записки о моей жизни (1849–1856)).

Как видно из контекстов, *ветхий человек* может либо пониматься так же, как в источнике (‘духовно не преображённый человек, живущий согласно пожеланиям греховной плоти’)⁴, либо иметь то или иное суженное значение окказионального характера: ‘представитель старинной традиции’ (употребление Е. Пищиковой), ‘представитель отжившей традиции’ (употребление М.А. Шолохова

³ Ср. исходный контекст Рим. 11:33: «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!» (Синод.).

⁴ Ср. одно из чтений Апостола (Рим. 6:6): «...Ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху» (Синод.).

и авторов журнала «Народная воля»), ‘человек, утомлённый ночным разгулом’ (употребление Н.И. Греча).

Отдельного комментария заслуживает сатирическое употребление М.Е. Салтыкова-Щедрина в прямо противоположном смысле (его Артемий, «страхнув ветхого человека», «весь предался продаже и купле»): апостольский идеал, согласно которому отречение от ветхого человека как раз и должно включать в себя отказ от корыстных интересов, здесь оказывается как бы вывернутым наизнанку. Следует отметить, что из всех русских писателей М.Е. Салтыков-Щедрин, пожалуй, наиболее активен в «выворачивании» смысла библейских речений в сатирических целях, однако рамки статьи не позволяют остановиться на этом подробнее.

Ещё более примечательно ведёт себя словосочетание *внутренний человек*, чрезвычайно востребованное в русском узусе XIX – XX вв. (179 вхождений в основной корпус НКРЯ). Достаточно сказать, что только в одной работе Н.А. Бердяева «Смысл творчества» НКРЯ фиксирует 18 употреблений данного выражения, а в «Письмах в Европу» Е.И. Рерих – 15 вхождений. Рассмотрим соответствующие контексты.

Внутренний человек (< Рим. 7:22, 2 Кор. 4:16, Еф. 3:16):

- *Язык не есть только говор, речь; язык есть образ всего **внутреннего человека**, его дела, того, что называют сердцем* (НКРЯ, Максимов И.П. «А утом всё загремело!...» (Из фронтового дневника) (2010));

- *На Руси не интересовались особо тонкостями учения, больший интерес был к выводам – к нравственным вопросам... интерес к «**внутреннему человеку**»* (НКРЯ, Еремеева С.А. Лекции по русскому искусству (2000));

- ***Внутреннего человека** – «человека для себя» (я для себя) и особого подхода к себе самому ещё не было. Единство человека и его самосознание было чисто публичным* (НКРЯ, Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе (1937–1938));

- ***Внутренний человек**, то есть совокупность данных, получаемых человеком по наследству, значит удивительно много. На долю Герцена выпало редкое счастье никогда не изменять этому **внутреннему человеку*** (НКРЯ, Соловьев-Андреевич Е.А. Александр Герцен. Его жизнь и литературная деятельность (1897));

- *Помните ли, в своём последнем письме ко мне Вы, между прочим, выразились так: старайтесь выработать в себе **внутреннего человека*** (НКРЯ, Никитин И.С. Письма (1853–1861));

- *Воспитание может сделать много, очень много, но не всё: природа человека... имеет также значительную долю в развитии **внутреннего человека*** (НКРЯ, Ушинский К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии (1867)).

Сохранение у апостольского речения семантической связи с источником зависит от сферы употребления. Оно характерно для фрагментов мемуарного (И.П. Максимов) и эпистолярного характера (И.С. Никитин). Психологическое звучание контекстов определяет модификацию семантики выражения: так, у М.М. Бахтина «внутренний человек» есть, скорее, психологический феномен, а у Е.А. Соловьева-Андреевича и К.Д. Ушинского это совокупность всех при-

родных (как биологических, так и психологических) данных, в том числе передаваемых по наследству. Другими словами, и в этом случае наблюдается некая секулярная редукция изначального смысла, поскольку апостол называет *внутренним человеком* духовное ядро личности, её центр, объединяющий и трансцендирующий биологические и психологические характеристики и способности человека (об этом см. [11])⁵.

Одно из приведённых чтений использует кавычки – выражение «внутренний человек» представляет собой, таким образом, цитату, и причина также обусловлена жанром: автор «Лекций по русскому искусству» описывает религиозное мирозерцание Древней Руси и соблюдает исследовательскую дистанцию.

Антонимичное по отношению к предыдущему выражение *внешний человек* употребляется реже (53 вхождения в НКРЯ), что также, вероятно, можно считать симптоматичным для русского менталитета, явленного в узусе (внешний человек менее интересен, чем внутренний). Показательно и то, что часто оно употребляется в паре со своим антонимом, ср.:

- *Высокий ли, низкий ли **внутренний человек** не может появиться без активности, поведения и деятельности человека внешнего. Внешний человек, лишенный внутренней формы, вообще перестаёт быть человеком* (НКРЯ, Зинченко В.П. Таинство творческого озарения (2004));

- *Если бы ты остался в той системе, ты бы, как человек, был сейчас таким же? Или другим? – Как «**внутренний человек**» – таким же. <...> Как «**внешний человек**» – наверно, немножко другой* (НКРЯ, Клейн А. Путь воина и Путь артиста. Too Late! (2003));

- *Свобода заключается в способности прекратить потакание мелким сиюминутным желаниям «**внешнего человека**» – поверхностного слоя нашей личности* (НКРЯ, Яржембовский С. Это сладкое слово «свобода» (2001)).

На общем фоне выделяется последнее чтение, далёкое от психологического понимания рассматриваемых антонимичных выражений: для его автора «внешний человек» – не поведенческий феномен, а *поверхностный слой* «человека внутреннего». Кавычки, употреблённые автором, более чем неслучайны при такой интерпретации: будучи указанием на цитату, они отсылают читателя к апостольскому смыслу, с которым автор явно солидаризируется.

В НКРЯ фиксируются также омонимичные употребления, не имеющие отношения к вопросу о структуре личности:

- *внешний человек* = ‘человек, не являющийся членом Церкви’:

Внешний человек, присутствующий во время богослужения как гость, затронутый речью церковного пророка, признает: истинно с вами Бог (1 Кор. 14, 25) (НКРЯ, Церковь Христова в посланиях святого апостола Павла (2003));

- *внешний человек* = ‘публичный (известный, медийный) человек’:

*Я достаточно **внешний человек**, обо мне многое известно – пишут, снимают. Если попытаться всё это суммировать, то это и можно назвать*

⁵ Рим. 7:22: «Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию», 2 Кор. 4:16: «Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется», Еф. 3:16: «Да даст вам, по богатству славы Своей, крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке» (Синод.).

смыслом моей жизни – всё, что со мной происходит (НКРЯ, Калинина Л. В жизни главное – сама жизнь (2002)).

Данные омонимы представляют собой, скорее, уже свободные сочетания, но сам факт их появления свидетельствует о влиянии апостольского текста на литературное употребление.

Структурные трансформации АВ

Ниже мы вкратце обсудим структурные, «внешние» модификации, которым могут подвергаться АВ в различных контекстах. Существует ряд таких возможностей.

Во-первых, встречается употребление АВ как свободного сочетания: ***В мгновение ока** – нет, я даже не успел сделать этого мгновения оком – какая-то высочайшая волна радости окатила меня с головы до ног и подняла ввысь* (НКРЯ, Розов В. Удивление перед жизнью (1960–2000)). Можно отчётливо наблюдать авторскую рефлексия «по поводу» АВ и своего рода «разоблачение», то есть этимологизацию последнего, что обуславливает эффект языковой игры.

Во-вторых, возможно включение АВ в более широкий афористический контекст (как результат экспликации АВ, в понимании В.М. Мокиенко [12, с. 153–154]). Эта операция также создаёт игровой эффект: ***Кто не работает, тот не ест то, что ест тот, кто работает*** (НКРЯ, Хоккей-1 (форум) (2005)); *Или твоя преданность хозяйке достигает того высочайшего предела, когда возвышенные чувства сливаются в единой вибрации духа в тех горных краях, где нет уже ни эллина, ни иудея, ни пса, ни человека, а есть только сверкающая животная радость бытия* (НКРЯ, Рубина Д. Я и ты под персиковыми облаками (2001)). В первом фрагменте изречение *кто не работает, тот не ест* (< 2 Фесс. 3:10) конкретизируется за счёт синтаксического распространения; второй фрагмент содержит смелую амплификацию, которая расширяет значение исходного выражения⁶, снимая различия не только между людьми в социуме, но и между человеком и животным.

В-третьих, используется замена одного из лексических компонентов АВ: *Вам нужно хотя на месяц **совлечь с себя петербургского человека**, махнуть на всё рукой и обратиться в бегство*⁷ (Письмо А.П. Чехова А.Н. Плещееву (1888)) [8, с. 82]. Замещение (*совлечься*) *ветхого человека* → *петербургского человека* направлено на создание комического эффекта. Как и в предыдущих случаях, сама возможность языковой игры свидетельствует о прочном внедрении исходного АВ в общелитературный узус.

Подведём итоги.

1. Большинство речений из Апостола, употребляемых в современном русском литературном языке, имеет цитатный характер. Выражения, употребляемые не только в религиозно-церковной коммуникации, но и в светских жанрах, образуют более многочисленную группу по отношению к тем, которые функционируют в церковной проповеди и православной публицистике.

⁶ Кол.3:11: «Нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но всё и во всем Христос» (Синод.).

⁷ Ср. Кол. 3:9: «...Не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его» (Синод.).

2. Рассматриваемые единицы могут употребляться либо в кавычках, как цитаты (что отмечается реже), либо как устойчивые выражения. Их функции при этом разнятся в зависимости от жанра произведения: в публицистике они служат созданию иронии либо перетолковываются, утрачивая семантическую связь с источником; в художественной литературе они могут функционировать как средство стилизации и речевой характеристики, создания комического эффекта и языковой игры. Последнее характерно и для эпистолярного жанра.

3. Проведённый анализ позволяет утверждать, что текст Апостола активно и разными способами воспроизводится в современном русском узусе и оказывает на него существенное влияние.

Summary

M.O. Novak. The Functioning of the Acts and Epistles of the Apostles in Modern Literary Russian.

Using the Russian National Corpus, we study how the set expressions originated from the Acts and Epistles of the Apostles function in Russian literary texts (19th–21th centuries) of different genres. We discuss the ways of their semantic transformation depending on the genre and the content of the work. We determine that in the journalistic texts these expressions often change their meanings and lose semantic connections with the source, whereas in the belles-lettres texts they retain these ties and serve as an instrument of stylization (speech characterization) or verbal game.

Keywords: Acts and Epistles of the Apostles, modern literary Russian, functioning, semantics, Russian National Corpus.

Источники

Синод. – Библия. Русский Синодальный текст // Цитата из Библии. – URL: <http://jesuschrist.ru/software>, свободный.

ЦНЗ – Новый Завет на церковнославянском языке // Цитата из Библии. – URL: <http://jesuschrist.ru/software>, свободный.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный.

Литература

1. *Новак М.О.* Приёмы цитирования Апостола в русской церковной проповеди второй половины XX в.: обращение к традиции // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманит. ун-та. Сер. «Филология». – 2012. – Вып. 1 (27). – С. 72–81.
2. *Зайцева Я.С.* Структурно-семантические и стилистические особенности фразеологизмов библейского происхождения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2010. – 291 с.
3. *Ильяшенко Т.А.* Библейские и богослужебные элементы в прозе Н.С. Лескова: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 273 с.
4. *Григорьев А.В.* Русская библейская фразеология в контексте культуры. – М.: Индрик, 2006. – 360 с.
5. *Гак В.Г.* Вопросы сопоставительной фразеологии (библейзмы в русском и французском языках) // Науч. тр. МГПИ им. В.И. Ленина. Сер. «Гуманит. науки». – М.: Моск. гос. ун-т, 1994. – С. 124–136.

6. Гак В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // *Вопр. языкознания*. – 1997. – № 5. – С. 55–65.
7. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 838 с.
8. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Гослитиздат, 1955. – 667 с.
9. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2007. – 624 с.
10. Зеньковский В.В. История русской философии. – М.: Акад. проект; Раритет, 2001. – 880 с.
11. Тиллих П. Систематическое богословие. – СПб.: Алетейя, 1998. – 493, XV с.
12. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высш. шк., 1989. – 287 с.

Поступила в редакцию
11.05.13

Новак Мария Олеговна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и славянского языкознания, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: mariaonovak@gmail.com